

Владимир Анин

МАНАТУАНДА

Владимир Анин

Манагуанда

<https://litres.ru/63431892>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-99696-0

Аннотация

Это было давно. Хотя может произойти и сегодня. Когда его призвали в армию, он думал, что просто отслужит положенный срок. Пока не попал в библиотеку... Мистическая повесть «Манагуанда» впервые была опубликована в 2006 году в литературном журнале «Южная звезда» (Ставрополь).

Содержание

I	4
II	9
III	19
IV	25
V	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Манагуанда

I

«Рота, подъем!» - словно взрыв где-то глубоко в подсознании, отзвук которого мгновенно достигает самых кончиков нервов. И будто вспышка перед глазами, заставляющая мгновенно разомкнуть веки. Мозг еще не проснулся, а тело, точно пружина, выпрыгивает из постели и уже натягивает на себя солдатскую робу.

«Форма одежды номер два!» - значит, голый торс. Брюки остаются, а майку надо снять. И ты уже выскакиваешь из казармы на улицу, одетый именно по той форме, которую объявил дневальный.

«Строиться на утреннюю физическую зарядку!» - несется вслед.

Третий месяц Сергей выбегал строиться на эту самую зарядку и уже стал привыкать к необходимости так резко просыпаться. Поначалу, правда, это вызывало бурный протест. Ведь в своей прежней, доармейской жизни он привык понежиться после сна минут десять в постели. Зарядка? Да ни за что! Несколько раз, еще учась в школе, он пытался побороть свою лень и приобщиться к физической культуре, но придерживаться заданного режима удавалось не более двух-трех дней. После этого зарядка перемещалась на после школы, а

потом и вовсе забывалась. За всю жизнь он не удосужился выскочить на улицу рано утром, да еще с голым торсом.

Теперь все переменялось. Подъем, пробежка по чавкающей после дождя гравийной дорожке стадиона, подтягивание и подъем переворотом на турнике, отжимание, махание руками-ногами и тому подобные физические упражнения, призванные тренировать дух и тело.

Вот и этим утром, пробежав в толпе положенные три круга вокруг стадиона, повисев на скользком турнике и слегка испачкав живот на очередном отжиме, Сергей трусцой направлялся к казарме. И только теперь к нему стали возвращаться какие-то более или менее связные мысли. До этого они, казалось, бежали где-то далеко позади. Сергей окончательно проснулся.

Запрет на посещение туалета перед зарядкой тоже был своего рода тренировкой на выносливость. Поэтому, вернувшись в казарму, первым делом вся рота устремилась в туалет, где, расталкивая друг друга, солдаты выстраивались вдоль длинного, похожего на канаву писсуара.

Четыре лестничных пролета, и Сергей оказался в длинном коридоре старой казармы. По обе стороны тянулись ряды дверей, через которые сновали полураздетые солдаты. Особенностью этой казармы было то, что она состояла из множества небольших комнат - спальных помещений, любовно именуемых «кубриками». Хотя никакого отношения к морскому делу их войсковая часть не имела.

Вбежав в кубрик, Сергей кинулся к своей тумбочке и вытащил «умывальные принадлежности». У окна возился с тряпкой «очередной уборщик» - дежурный, который вместо зарядки должен был наводить порядок. Второй «уборщик» лениво елозил по полу веником. Сергей выдавил зубную пасту на щетку, схватил полотенце и, выскочив из кубрика, сбежал вниз по лестнице, туда, где в полуподвале находился туалет и комната для умывания, или просто «умывальник». Там уже вовсю шел процесс «принятия водных процедур». Протискиваясь к немногочисленным кранам, солдаты начинали с невероятной скоростью орудовать щетками и полоскать рот ледяной водой, от которой сводило зубы. Затем, кряхтя и завывая, ополаскивались по пояс и уступали место напиравшим сзади товарищам. Обычно этим утреннее умывание и ограничивалось. На большее времени не хватало.

Это была учебная часть, так называемая школа сержантского состава, и такого понятия, как «дедовщина», которым призывников пугали еще со школьной скамьи, в прямом понимании здесь не существовало. «Дедами» были только сержанты. Солдаты, которых называли курсантами, подчинялись им по определению. Неуставные взаимоотношения сливались с уставными и были завуалированы воинской субординацией. Сержант имел право заставить молодого бойца выполнять любую работу, вплоть до чистки отхожего места, которое, кстати, не только в обиходе, но и в уставе названо емким словом «очко».

В качестве крайней меры сержанты иногда использовали такой воспитательный метод, как удар «в душу». Для этого достаточно было ткнуть кулаком курсанту в то самое место на груди, где располагалась металлическая пуговица. Эффект потрясающий! Пуговица своей дужкой врезалась в грудь, причиняя такую боль, что даже у самого терпеливого слезы брызгали из глаз.

Но больше всего Сергея угнетали всевозможные словесные оскорбления. Он вырос в интеллигентной московской семье и был «хорошим мальчиком».

Его родители погибли в автокатастрофе, когда ему было шестнадцать лет. До восемнадцати он жил у тетки, а потом его забрали в армию. Нет, безусловно, Сергей мог выругаться или сказать какую-нибудь непристойность, но он никогда не позволил бы себе унижить другого. Однако люди, как правило, ко всему привыкают, и Сергей не был исключением. Он научился выделять только основную суть из сказанного сержантом, а весь бессмысленный довесок грубостей и оскорблений пропускал мимо ушей.

После завтрака обычно давалось минут десять на перекур и на последние приготовления к разводу. Курилка, выстроенная в виде большой беседки с выгребной ямой в центре, гудела, как пчелиный улей. Сходство дополняли густые клубы дыма - словно невидимый пасечник окуривал своих питомцев. Из этой смеси спин и дыма то и дело отделялись курсанты, подбегали к «месту для чистки обуви», расположен-

ному поблизости, и лихорадочно драили облезлыми щетками посеревшие от грязи и пыли голенища сапог, поцарапанные носки и стертые каблуки. Ни одну деталь сапога нельзя обойти вниманием, за этим следили очень строго и сержанты, и офицеры. Те, кто уже привел обувь в порядок, тоже не стояли без дела - маленькими лоскутками сукна они полировали бляхи на ремнях.

Сергей протиснулся в «улей» и достал из кармана помятую пачку «Астры».

- Покурим? - донеслось из-за плеча.

Он обернулся. Так и есть, Семенов, злобный сержант из третьего взвода. Сергей покорно протянул пачку. Семенов взял одну сигарету и, прикурив у стоящего рядом курсанта, уселся на лавку, где для него сразу же нашлось место.

Сергей жадно затягивался. Времени оставалось мало, а выбрасывать сигарету было жалко. Курево в армии - большая ценность. Сигарету обычно докуривали до такой степени, что она уже обжигала пальцы. А некоторые после этого перехватывали крошечный «бычок» двумя спичками и умудрялись сделать еще пару затяжек, прежде чем от него останется один пепел.

II

«Рота, строиться на развод!» - это уже голос старшины.

«Строиться... взвод... развод...» - доносятся обрывки фраз, выкрикиваемые заместителями командиров взводов, или сокращенно «замками». Заместителями они были по должности. На самом деле каждого из них можно было считать командиром взвода, поскольку офицер, состоявший в этой должности, являлся на службу только днем (за исключением дежурств), и его обязанности ограничивались церемонией утреннего развода и проведением некоторых занятий. На плечах заместителя было все остальное. Он должен был найти дело для всех своих курсантов от подъема до отбоя. При этом он двадцать четыре часа в сутки головой отвечал за каждого из них. Все проступки, болезни, травмы были на совести заместителя командира взвода. По крайней мере, так считало командование. Сержанты, которые дорастали до этой должности, отличались большей рассудительностью и логикой поведения. Совсем в другом образе представляли их помощники - командиры отделений, молодые сержанты, только-только познавшие азы воинской службы. Их озлобленность и жестокость порой не поддавалась объяснению. Именно столкновения с ними следовало опасаться больше всего. Как раз таким был сержант Семенов, который, выходя из курилки, не преминул ткнуть в бок одного из курсантов.

Развод. Те, кто служил в армии, безусловно, знают, что это такое. Но поскольку для многих читателей армия осталась чем-то далеким и неизведанным, я все же позволю себе остановиться на этом удивительном действии подробнее.

Стройными колоннами все подразделения выходят на плац - нечто вроде площади в самом центре гарнизона - и выстраиваются в строго определенном порядке. Для читателя, не искушенного в военном деле, поясню, что отделение - это самое маленькое подразделение, состоящее из десяти-пятнадцати человек и возглавляемое сержантом. Несколько отделений (обычно - три) составляют взвод, которым уже руководит офицер, как правило, молодой лейтенант. Помогает ему в этом сержант-заместитель. Взводы, в свою очередь, объединяются в роты, те - в батальоны, и так далее.

Взводы, возглавляемые командирами, стоят в колонну по трое. Чуть впереди замерли ротные с заместителями за спиной, а еще дальше вытянулись командиры батальонов. На середину плаца выходит начальник штаба части.

- Равняйся! Смирно! - в абсолютной тишине его голос разносится по округе раскатистым громом.

Он прикладывает руку к козырьку и под звуки бравого марша строевым шагом идет навстречу приближающемуся командиру части. Тот в свою очередь тоже прикладывает руку к козырьку и переходит на строевой шаг. Наконец они встречаются, и музыка обрывается. Следует краткий доклад, обрывки которого доносятся до окаменевшего строя. Обыч-

но доклад заключается в том, что в части происшествий не случилось. Командир поворачивается лицом к строю и приветствует военнослужащих.

- З-з-здра-жла-тарщ-ковник! - ревет строй, что означает «здравия желаю, товарищ полковник».

- Вольно! - говорит полковник.

- Вольно! - отзывается эхом начальник штаба, и весь строй синхронно ослабляет одну ногу. Однако шевелиться по-прежнему нельзя.

Следует приказ командирам батальонов доложить о достигнутых результатах. Те поворачиваются лицом к строю и приказывают командирам рот проделать то же самое. Каждый ротный, скомандовав «смирно!», марширует на доклад. Звучит уже привычное «происшествий не случилось» и «вольно!» - одна нога слегка ослабляется. После короткого совещания уже командиры батальонов ставят свои подразделения по стойке смирно и спешат на доклад к начальнику. И снова «вольно!». В очередной раз весь строй словно вздрагивает, ослабляя ногу.

Несколько минут командир части дает какие-то указания. Кто-то, возможно, получает взбучку. Но солдаты, замершие в строю, этого не слышат. Наконец командиры батальонов, сделав «кругом», бегут к своим подразделениям и занимают прежние места. Командир части с начальником штаба поднимаются на трибуну.

- Р-р-равняйся! Смир-р-рно! - звучит уже в который раз.

- Первая колонна прямо, остальные напра-а-аво! - и несколько сот пар сапог одновременно шаркают об асфальт: раз-два.

- Для прохождения торжественным маршем, правое плечо вперед, шаго-о-ом марш!

Гремит оркестр. Взвод за взводом вся часть проходит мимо трибуны и расходится по своим делам: кто на службу, кто на занятия.

К этому времени процедура развода стала для Сергея уже привычной. По началу, конечно, этот ритуал производил на него большое впечатление. Он безумно гордился тем, что мог стоять по стойке «смирно», боясь дышать, маршировать, стараясь как можно выше поднимать ногу и «тянуть носок». Теперь это прошло или, точнее, начинало проходить. По-прежнему торжественность момента пробуждала в Сергее какие-то чувства, но уже не такие пылкие. Развод постепенно превращался во что-то обыденное и скучное, но четко прописанное в распорядке дня и потому - обязательное.

В этот день первым занятием была политическая подготовка. Сергей подумал, что это не так уж плохо: во всяком случае, не надо никуда топать - учебные классы находились на первом этаже казармы, возле плаца. Возможно, даже удастся немного покемарить, пока замполит будет в очередной раз перечислять страны НАТО и объяснять причины противостояния альянса и Варшавского договора. Правда, если сержант Шикунин, командир второго отделения, в ко-

тором служил Сергей, не заметит, что ты, несмотря на раскрытые веки, закатил глаза и спишь. Да, сон в армии - первое благо. Еда, безусловно, тоже не на последнем месте. Но на первом все-таки сон. Уставший солдат может заснуть где угодно, в любой позе. Даже если удастся отключиться всего на пару минут. Но какие сладкие эти минуты!

Замполит капитан Хорин вошел в класс.

- Взвод, смирно! - скомандовал сержант Шикулин, который был за старшего («замок» в этот день был в наряде). Взвод подскочил и, насколько это возможно, стоя за партами, вытянулся по стойке смирно.

- Вольно! Садитесь, - сказал Хорин и сам первый сел за «учительский» стол.

- А Воробьев у нас здесь? - вдруг спросил он и посмотрел на Шикулина.

- Курсант Воробьев! - рявкнул Шикулин.

- Я!

- Ага, - сказал Хорин. - Значит так, отправляешься в распоряжение начальника клуба капитана Каблукова, у него есть для тебя работа. Это ведь ты у нас художник?

- Учился. В художественной школе.

- Ну да, ну да, - он на мгновение задумался. - Как найти его знаешь?

- Никак нет, - признался Сергей.

- Угу. Значит так, Шикулин, - обратился он к сержанту, - объясни.

- Есть! - выпалил Шикулин.

Он вывел Сергея из класса и тоном, в котором чувствовалось явное недовольство, произнес:

- Зря ты это затеял, Воробьев.

- Извините, товарищ сержант, но я ничего не затевал.

- А кто сказал, что умеет рисовать и тому подобное?

- Я? Но ведь это было давно, я уже и забыл.

- Ха! Забыл! А вот они не забыли. Начнут теперь тебя таскать в клуб вместо занятий, и ни хрена из тебя не выйдет.

- В каком смысле?

- В таком. В общем, советую тебе прикинуться шлангом и сказать, что ничего не умеешь. Смотри, провалишь экзамены, и зашлют тебя после учебки служить в какую-нибудь дыру.

Сергей пожал плечами.

- В общем, обойдешь вокруг клуба, с той стороны увидишь вход, такой весь стеклянный. Зайдешь внутрь и ищи дверь с надписью «Начальник клуба». Все понял?

Сергей кивнул.

- Не слышу ответа.

- Да, товарищ сержант.

- Не «да», а «так точно».

- Так точно!

- Все. Шагом марш! - и Шикулин скрылся за дверью класса.

Сергей шагал по пустой тенистой аллее, тянувшейся во-

круг плаца, и гадал, что за работу приготовил для него капитан Каблуков. Он был несколько удивлен таким поворотом событий. С чего вдруг он понадобился начальнику клуба? Цепкая память стала выуживать из глубины подсознания, казалось, не связанные между собой детали, пока, наконец, не добралась до того дня, а точнее ночи, когда Сергея и еще сотню таких же мальчишек привезли в эту часть.

...Все происходило как во сне. Что, впрочем, было недалеко от истины. Около трех часов ночи колонна грузовиков въехала на территорию гарнизона. Кузова были до предела набиты призывниками, которые сидели на деревянных лавках и друг на друге. Выгрузившись, осоловелые новобранцы глазели по сторонам, пытаясь разглядеть что-нибудь в темноте. Вокруг суетились сержанты. Они поделили толпу на группы и поочередно стали заводить в небольшое одноэтажное здание. Всю поклажу - сумки, рюкзаки и тому подобное - оставляли снаружи.

Попав внутрь, Сергей оказался в небольшом помещении, битком набитом людьми. Пахло сыростью. Вдоль стен стояли лавки. Последовала команда раздеться. Он скинул с себя одежду и застыл в нерешительности. Щуплый прапорщик с папкой под мышкой объявил:

- Кто хочет, может свою одежду отправить домой. Здесь материал, - он показал на стопку белых тряпок в углу, - и нитки. Зашиваете в мешок, подписываете - и тю-тю. Кто не желает, складывает вещи сюда. - Возле его ног уже громоз-

дилась куча всякой одежды.

Отправляясь в армию, Сергей надел самые старые вещи. На брюках не было живого места, футболка - выцветшая, даже трусы все в дырках. Другие новобранцы были одеты не лучше. Однако несколько человек все же захотели отправить посылку домой.

Он бросил одежду на вершину кучи. Здоровенный бело-брысый ефрейтор с красными глазами выхватывал оттуда столько, сколько могла зацепить его огромная лапа, швырял на стоявшую перед ним плаху и, взмахнув несколько раз топором, превращал все в бесформенную ветошь.

Тех, кто поленился или не захотел постричься наголо еще на сборном пункте, стригли здесь же. Голых и лысых новобранцев выстроили в очередь и по одному стали запускать в помывочный зал. Перед этим каждый из них подвергался дезинфекции. Необходимо было встать ногами в огромный таз с противно пахнущей розовой жидкостью, а сержант с красным крестом на рукаве макал какую-то мочалку на длинной палке в бачок с такой же жидкостью и тыкал ею стоящему в тазу новобранцу между ног.

Это была солдатская баня. Правда, никакой парной здесь не было, одно только моечное помещение. Посередине в два ряда тянулись краны с горячей и холодной водой. Под ними на обитых железом стеллажах стояли шайки. Вдоль каждой стены - длинный широкий полук.

Помывка длилась минут десять, не больше. Выходили с

другой стороны. Там уже все было готово к приему голых новобранцев. Ефрейтор, похожий на суслика, стоял за неким подобием прилавка и задавал всем один и тот же вопрос:

- Размер обуви?

- Сорок первый, - сказал Сергей и через секунду получил новенькие кирзовые сапоги.

Окинув его наметанным взглядом, «суслик» вручил Сергею комплект одежды и головной убор. Теперь надо было быстро одеться. Однако это оказалось не так просто. Все упиралось в портянки, которые Сергей видел впервые. Надев нижнее белье и штаны, он задумчиво уставился на кусок желтовато-белого материала.

- Ну-ка, боец, - сказал подошедший сержант и взял у Сергея из рук портянку. Он рывком порвал ее на две одинаковые полосы, положил одну из них на скамью и сказал:

- Ставь ногу.

Сергей повиновался.

- Смотри и запоминай. - Сержант ловко обмотал портянку вокруг его ноги. - Теперь суй в сапог.

Сергей послушно втиснул ногу в сапог. Вроде ничего, удобно.

- Дальше сам, - сказал сержант и повернулся к другому новобранцу, тщетно пытающемуся справиться с доселе невиданным предметом гардероба.

Новоиспеченных солдат вывели из бани, разрешили забрать свои пожитки и повели в спортзал. Там они, словно на

конвейере, переходили от одного офицера к другому, а те задавали какие-то бессмысленные вопросы и тщательно проверяли содержимое ручной клади. Одним из офицеров был капитан Каблуков. Он единственный, пожалуй, спрашивал о вполне понятных вещах:

- Рисовать умеешь? Петь умеешь?

Рядом стоял прапорщик с лирами в петлицах (командир музвзвода, как потом узнал Сергей) и интересовался, есть ли у новобранца музыкальное образование. Сергей честно признался, что окончил художественную школу. Капитан Каблуков быстро сделал какие-то пометки в блокноте и отправил Сергея к следующему офицеру, который стал допытываться, употребляет ли Сергей алкоголь и посещает ли церковь.

«Видимо, Каблуков действительно не забыл обо мне», - подумал Сергей, подходя к клубу.

III

Неожиданно перед ним возникла женская фигура. От одного ее вида легкая дрожь пробежала по телу Сергея, от головы до ног и обратно. Какая это была женщина! Стройная загорелая блондинка с короткой стрижкой, в длинной юбке, блузке без рукавов и роскошной широкополой шляпе. Она мельком взглянула на него и прошла мимо.

Сергей не был избалован женским вниманием. Не девственник, но опыта у него было маловато. Так, несколько случайных знакомых, с которыми судьба сводила на вечеринках. Зато было желание. Эдакое дикое плотское желание, которое ничем не возможно загасить. Желание было всегда и везде. Иногда ему казалось, что он любит всех встречных женщин или, по крайней мере, почти всех. Это было и жутко, и приятно. Именно поэтому он, не раздумывая, бросался к каждой новой подружке, стоило только поманить. Но манили редко. А сам Сергей был слишком стеснителен, чтобы проявлять инициативу.

Попав в армию, он с удивлением обнаружил, что желание пропало. Возможно, причиной тому были большие нагрузки. Правда, поговаривали, что солдатам подсыпали в питье какую-то дрянь. Может, было. А может, и нет. Но на какое-то время Сергей даже забыл, что такое возбуждение.

И вот теперь он это вспомнил, да еще так отчетливо. Или,

вернее, ощутило. Блондинка прошла мимо, не удостоив его взглядом, а он, стиснув зубы, поднялся по ступеням клуба и вошел в просторный холл. Сразу нашел дверь кабинета начальника клуба по большой табличке с крупными буквами и причудливыми вензелями.

Постучал.

- Войдите! - послышалось изнутри.

Он открыл дверь и шагнул в кабинет.

- Товарищ капитан, курсант Воробьев прибыл в ваше распоряжение, - отчеканил Сергей.

- Хорошо, хорошо, - сказал капитан Каблуков, не поднимая головы. - Присаживайся.

Он что-то писал, низко склонившись над небольшим столом. Сергей сел и стал изучать обстановку. Помещение не было похоже на кабинеты других военачальников. Это был настоящий маленький музей, в котором были флаги всех республик СССР, статуэтки, изображавшие какие-то военно-исторические события, бюсты полководцев и руководителей государства, значки, вымпелы, несколько неплохих картин, конечно же, на военную тему и еще множество всевозможных безделушек, которые висели на стенах, стояли и лежали в четырех застекленных шкафах, на тумбочке, на журнальном столике и даже на полу.

- Ага, интересно? - поднял голову Каблуков, который внешне и голосом очень напоминал актера Льва Дурова и поэтому сразу вызывал симпатию. - Многие из этих вещей

сделаны руками военнослужащих. - Он достал из кармана носовой платок и, сняв с носа круглые старомодные очки, стал протирать стекла. - А тебя, кстати, кто прислал?

- Капитан Хорин, - ответил Сергей, вскочив.

- Ах, ну да! Художник? Да ты садись, садись.

- Окончил художественную школу, - сказал Сергей, медленно опускаясь на стул. - Не то чтобы художник, но кое-что, конечно, могу.

Тут он вспомнил наставления Шихулина. Ему вдруг захотелось сделать все наперекор сержанту, и он выпалил:

- Несколько раз участвовал в городских выставках, имею диплом.

- Ну что ж, художники нам нужны, - сказал Каблуков, записывая носовой платок в карман кителя и возвращая очки на прежнее место. - Для начала займемся графикой. Видел табличку на моей двери?

- Так точно. - Сергей кивнул.

- Тебе надо будет сделать несколько таких же. И, возможно, еще что-нибудь. Пойдешь в соседний кабинет, найдешь там моего помощника Чайкина. Скажешь ему, что это я тебя прислал. Понятно?

- Так точно!

- Все, свободен.

- Есть!

Сергей вскочил и, сделав «кругом», вышел из кабинета.

Он постучал в соседнюю дверь. Ответа не последовало,

и Сергей тихонько приоткрыл ее. В комнате никого не было. Он шагнул внутрь и остановился, озираясь. Это помещение сильно отличалось от кабинета начальника. Оно скорее напоминало мастерскую скульптора. Вдоль стен по обе стороны тянулись грубо сработанные деревянные стеллажи, заставленные всевозможными фигурками. Посередине комнаты стоял большой стол, на котором были аккуратно разложены инструменты. Вокруг - несколько потертых стульев. У окна был еще один стол - письменный, старый и немного покосившийся. Правда, одно обстоятельство, по мнению Сергея, отличало эту каморку от мастерской скульптора - здесь не было ни грязи, ни пыли.

Сергей постоял некоторое время, переминаясь с ноги на ногу. Потом прошелся по комнате, подошел к письменному столу и побарабанил пальцами по обшарпанной столешнице. Его внимание привлек лежавший на столе журнал. Обычный такой журнал, вроде книги учета. От нечего делать он раскрыл его на первой попавшейся странице - мелкий убогий почерк. Сергей перевернул страницу и с интересом уставился на нее: во весь лист дрожащей рукой было выведено странное слово: МАНАГУАНДА.

В это время в коридоре послышались шаги. Сергей захлопнул журнал и отскочил от стола. Дверь распахнулась, и в комнату вошел старший сержант. Увидев Сергея, он вздрогнул от неожиданности и на секунду замер. Но, овладев собой, шагнул вперед и грозно спросил:

- Кто такой?

- Товарищ старший сержант, курсант Воробьев был для изготовления табличек. По распоряжению капитана Каблукова.

- Почему без разрешения вошел?

- Никак нет, товарищ старший сержант. Я спрашивал, но мне никто не ответил.

Услышав такой оригинальный ответ, Чайкин смягчился и превратился совсем в другого Чайкина - симпатичного интеллигентного юношу с умными карими глазами.

- Ну ладно, - сказал он, - ты пером писать умеешь?

- Нет, - признался Сергей.

- А рисовать вообще умеешь?

- Ну, рисовал...

- Значит, и пером тоже научишься.

Чайкин достал с полки пластину размером с лист писчей бумаги и бросил ее на стол.

- Вот тебе материал.

Сергей взял ее в руки. Основу пластины составляло стекловолокно, а одна сторона ее была покрыта тонкой медной фольгой.

- Это нам шефы с радиозавода подкидывают, - пояснил Чайкин. - А вот тебе образец. - Он положил перед Сергеем такую же пластину, но уже с надписью.

Медная поверхность ее была начищена до блеска. Аккуратными черными буквами было выведено: «Пом. начальни-

ка клуба ст. сержант Чайкин К. А.». По углам какие-то завитушки. В дополнение все это было покрыто тонким слоем лака. Нечего сказать, табличка смотрелась шикарно.

Между тем Чайкин выложил на стол несколько плакатных перьев, кисточку, лист бумаги и баночку черной туши.

- Показываю, - он макнул перо в тушь и вывел на бумаге красивую букву «Б». - Теперь ты потренируйся.

Сергей взял перо и начал усердно вырисовывать букву за буквой. Через пять минут его буква «Б» если и отличалась от той, что написал Чайкин, то только в лучшую сторону.

- Молодец! - похвалил сержант. - Теперь ты должен отполировать пластину и написать на ней «БИБЛИОТЕКА». А когда высохнет, покроешь лаком.

К обеду работа была закончена. Сергей с гордостью смотрел на сверкающую табличку, которую вертел в поисках каких-нибудь изъянов, но так и не находил.

- Ну что же, неплохо, - сказал Чайкин. - А сейчас беги к себе в роту. После обеда явишься.

IV

Рота уже строилась на обед, Сергей едва успел. Доложив командиру отделения о прибытии, он встал в строй. Шикунин пристально посмотрел на Сергея, видимо, желая получить какие-то объяснения, но, не дождавшись, отошел и встал во главе строя.

Солдатская столовая состояла из двух огромных залов и одного поменьше. В последнем «принимала пищу» рота обслуживания - хозяйственное подразделение, которое обеспечивало функционирование всего учебного гарнизона. Там были водители, ремонтники, повара, связисты, кочегары - словом, весь обслуживающий персонал. В ее состав входил и музвзвод. Чайкин, кстати, тоже числился в этой роте. Там среди солдат были старослужащие (или на солдатском жаргоне «деды»).

Остальные столовались в двух больших залах, где в несколько рядов стояли длинные столы со скамейками. За каждый стол усаживалось по десять человек. На дальнем краю стоял чайник с жидким киселем или безвкусным компотом (на завтрак и ужин подавался чай). Один из сидевших там курсантов должен был разлить его по кружкам и передать товарищам.

Сержант, как старший стола, сидел всегда с краю. Тот, кто оказывался напротив, назывался разносчиком и должен был

по команде дежурного по роте, который во время обеда руководил получением пищи, бежать на кухню и получать через небольшое окошко бачки с едой. Меню не отличалось разнообразием - на первое был борщ или щи; на второе - какая-нибудь каша: пшенная, рисовая, перловая или гороховая. Изредка подавались макароны. Каша, равно как и макароны, была всегда заправлена жутким варевом, в котором плавали куски сала, а иногда что-то отдаленно напоминающее мясо. Причем на завтрак давали все ту же кашу. А вот ужин коренным образом отличался - на ужин всегда была картошка с рыбой, жаренной в комбижире или припущенной. Хотя, надо признаться, у завтрака тоже была своя особенность - на завтрак давали «шайбу», двадцать граммов сливочного масла. Это был деликатес. Не было ничего вкуснее двух кусочков хлеба из муки грубого помола, смазанных тонким слоем масла. Да еще с чаем!

Возвращаясь мысленно к дню своего прибытия в часть, Сергей вспоминал, как после всех передраг где-то около пяти часов утра их повели в столовую. Как он с отвращением смотрел на бачок, в котором плавал какой-то жир, а сидевший напротив сержант Шикунин удивленно спрашивал:

- Ты чего масло не ешь?

Да, тогда он масло есть не стал. И без него жира было предостаточно. Но он и не подозревал, что масло вскоре станет любимым лакомством.

После того как раскаленные бачки, которые разносчики

притаскивают, держа рукавами, попадают на стол, в дело вступает «разводящий». Только не тот, что разводит караульных по постам, а тот, кто оказался за столом через одного от сержанта. Взяв половник, который почему-то называется «разводягой» (отсюда и разводящий), он начинает разливать суп по глубоким мискам, а затем раскладывать второе по мелким. Естественно, себе в последнюю очередь, поэтому доест до конца он никогда не успевает. А порой переусердствует с раздачей так, что себе и вовсе не достается...

По команде взводы один за другим вбежали в столовую. Там было душно и пахло кислой капустой. Сергей оказался на месте разносчика - пришлось бегать за бачками с едой. Об один из них он здорово обжегся. Но даже не обратил на это внимание - был слишком увлечен мыслями о своей новой интересной работе, которая позволит хоть на какое-то время отвлечься от серого однообразия солдатских будней.

- Воробьев, что-то ты медленно жуешь. Не торопиться? - зашипел сидевший напротив Шикулин.

Это заставило Сергея вернуться в мир жестокой реальности и задвигать челюстями быстрее.

- Рота! - громыхнул голос старшины. - Закончить прием пищи! Выходи строиться!

Сергей с досадой посмотрел на недоеденную кашу, но неумолимый поток потных тел подхватил его и понес к выходу. Уже на улице он обнаружил, что держит в руке ложку, и поспешил спрятать ее в карман.

- Воробьев! - крикнул Шикунин.

- Я!

- В распоряжение начальника клуба. Взвод, равняйся!
Смирно! Ш-гом а-арш!

Чайкин уже сидел в своем кабинете и делал какие-то записи в журнале.

- А, пришел? - оживился он. - Ну что ж, хватай свою табличку и шагай к Марине Анатольевне.

- К кому?

- К Марине Анатольевне, заведующей библиотекой. У нее для тебя еще работа есть. Или нет, погоди, я тебя сам к ней отведу.

Они вышли на улицу и направились к дальнему крылу здания. Поднявшись по лестнице на второй этаж, вошли в просторный зал. Прямо напротив двери стоял большой канцелярский стол. За ним сидела та самая блондинка, с которой Сергей столкнулся утром, и разглядывала лежащий перед ней листок бумаги.

- Закрой дверь, - не поднимая глаз, сказала Марина Анатольевна.

Чайкин осторожно прикрыл дверь.

- Кто это? - спросила она.

- Это Воробьев, - сказал Чайкин. - Он будет у вас заниматься оформлением.

Марина Анатольевна пристально посмотрела в глаза Сергею.

- Я тебя видела... Покажи, - она еле заметно кивнула на табличку, которую Сергей от волнения стиснул так, что она чуть не треснула.

Дрожащими руками он повернул табличку.

- Чудесно! - изрекла Марина Анатольевна совершенно безразличным тоном.

Чайкин легонько ткнул Сергея в бок. Сергей посмотрел на табличку и обнаружил, что держит ее вверх ногами. У него вспотели ладони.

Марина Анатольевна встала.

- Константин, пройди в мой кабинет, - сказала она Чайкину, кивнув на дверь в конце библиотечного зала.

- А ты, - она повернулась к Сергею, - идем со мной, покажу, что будешь делать.

Она взяла его за руку и повела к стройным рядам книжных полок. Прикосновение ее руки было вторым за этот день вызовом его мужскому естеству. Сергею как-то сразу стало неудобно шагать - ноги немного заплетались. Словно почувствовав что-то, Марина Анатольевна остановилась, посмотрела ему в глаза, скользнула взглядом вниз и снова в глаза. Легкая тень усмешки пробежала по ее лицу.

- Видишь ярлычки на этих полках? - спросила она. - Они почти стерлись, ты должен их обновить. Бумага под столом. Тушь, перья и клей - в ящике. Все.

Она прошла к своему кабинету и скрылась за дверью, а Сергей, покрасневший и взмокший, так и остался стоять в

неудобной позе, сжимая в руках табличку с надписью «БИБЛИОТЕКА».

V

Придя в себя, он стал изучать предстоящий фронт работ. На каждой полке была приклеена полоска бумаги с фамилией автора, книги которого там покоились. Именно покоились. Это, пожалуй, самое подходящее слово. Сергей ни разу не слышал, чтобы кто-то из курсантов пользовался услугами библиотеки. Читать книги, увы, было некогда. Да и не принято. Читали устав, иногда газеты. А книги... Нет, книг он не видел ни у кого. Разве что у сержантов, когда те писали какой-нибудь конспект для проведения занятий. И то исключительно военного или политического толка.

Выбор литературы в армейской библиотеке был довольно специфичный, насколько понял Сергей, разглядывая ярлычки на полках. Но все же это были книги, а Сергей книги любил. И он с энтузиазмом принялся за новую работу. Для начала решил переписать имена авторов. Первым оказался В. И. Ленин. Хотя ярлычки на стеллажах располагались в алфавитном порядке, этот автор был вне списка. Следом за Лениным шел Ананьев, единственный из известных на букву «а». Среди авторов на «б» выделялся Быков. И так далее - не более одной-двух знакомых фамилий на каждую букву.

Сергей не обнаружил ни одной книги Маркса. По идее, ему полагалось следовать за Лениным, но его не оказалось даже среди авторов на букву «м». Очень интересный автор

попался на букву «п» - Политическая литература. Далее шел Пушкин, представленный, правда, только одним томиком. Зато в изобилии было какого-то Аркадия Пятакова. Букву «у» возглавлял устав. Кстати, это была единственная пустая полка - все книги забрали для занятий.

Сергей расчертил лист бумаги на полоски и принялся за работу. Вдруг дверь кабинета Марины Анатольевны распахнулась, и из нее медленно, словно во сне, выплыл Чайкин. При этом вид у него был какой-то неестественный. Проходя мимо Сергея, он остановился, посмотрел на него отсутствующим взглядом и бесшумно направился к выходу.

Когда до ужина оставалось чуть больше часа, Сергей занервничал. Он знал, что начальству о времени напоминать не положено, а заведующая библиотекой в это время была вроде как его начальником - ведь он поступил в ее распоряжение. Но Марина Анатольевна так больше и не вышла из своего кабинета. Сергей набрался смелости и постучал в дверь с грозной надписью «Посторонним вход воспрещен». Кстати, эта надпись тоже нуждалась в реставрации.

- Входи! - голос был резкий, но негромкий.

Сергей осторожно заглянул в кабинет. Марина Анатольевна стояла посередине небольшой уютной комнаты с лейкой в руках. Рядом на журнальном столике множество цветов образовали целую оранжерею. У окна приютился аккуратный небольших размеров письменный стол. Напротив, у стены, стоял диван, обитый пурпурной тканью.

Журнальный столик был низким, и Марина Анатольевна стояла, склонившись над ним так, что край ее белой блузки у выреза слегка оттопырился, открывая взору грудь. Лучи заходящего солнца пробивались через занавески на окне и сквозь блузку освещали эту грудь мягким розовым светом. От вожделения у Сергея свело зубы.

Марина Анатольевна выпрямилась и, поставив лейку на столик, подошла к нему вплотную. Не говоря ни слова, она впилась в его губы. Сергею показалось, что он сейчас потеряет сознание. Марина Анатольевна потянула его за собой и рывком опрокинула на диван. И стала душить в своих объятиях, не давая пошевелиться.

- Что это? - захрипел Сергей.

- Манагуанда, - прошептала она ему в ухо и вцепилась в него зубами.

У Сергея даже

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.